Пушкин А.С. 13/I 87г

беседы о прекрасном

„Лит. газета" 13 января 1987г

К ЧИТАТЕЛЯМ

С первых юношеских лет живут в нас пушкинские строки, обращенные к Чаадаеву.

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Сегодня, в преддверии Дней памяти, посвященных 150-летию со дня гибели Пушкина, мы с особым чувством воспринимаем каждое живое свидетельство о поэте. И среди них — конечно же! — письма П. Я. Чаадаева, мало кому известные ныне. Даже учителям литературы. Собранные теперь в одном томе, прокомментированные учеными, они станут важным подспорьем в дальнейшем нашем познании духовного мира Пушкина.

Годы, десятилетия по крупицам собирались многие реликвии, украшающие ныне знаменитые музейные собрания. А вспомним трагические страницы войны... Когда осенью 1941 года в Мойку, рядом с квартирой поэта, попала бомба, вместе с сотрудниками Института русской литературы добровольные помощники делали все, чтобы спасти уникальные вещи, экспонаты, мебель. Вспомним и тех наших солдат 208-й стрелковой дивизии, которые освобождали Михайловское от оккупантов,— и по сей день в музее можно увидеть военную карту с особой пометкой, означавшей: «По Михайловскому не стрелять!» Или тех жителей, кто спасал пушкинские реликвии. Об этом и рассказывает С. Гейченко в своей документальной новелле.

Пушкин и всенародная любовь... Тема эта бесконечная и неисчерпаемая. В ней словно сходятся разные времена. Размышляя о Пушкине, мы невольно возвращаемся и к себе, задаем вопросы: а все ли мы сделали, чтобы быть достойными наследниками поэта — и в делах своих, и в помыслах, и в высоком служении народу?..

Гравюра новгородского художника Б. Непомнящего.

Бесконечное благо России

Письма П. Я. Чаадаева к А. С. Пушкину

Они были почти ровесники. Пять лет разницы за многие годы их дружбы стали совсем незаметны. Но когда они встретились впервые у Карамзиных в Царском Селе в 1816 году, корнет Чаадаев, недавно вернувшийся из заграничного похода, герой и участник Отечественной войны, потряс воображение 17-летнего Пушкина своим мужеством, просвещенностью и зрелостью мыслей. Они не просто стали друзьями. Чаадаев стал духовным учителем юного Пушкина. «Всегда мудрец, а иногда мечтатель и встреной толпы бесстрастный наблюдатель» воспламенял в поэте «к высокому любовь», призывал ценить «жажду размышлений» и «тихий труд». Они вместе размышляли о свободе, просвещении народа, вольности. Как писали позже в воспоминаниях их современники: «Пушкина Чаадаев поворотил на мысль».

«Друг мой, упреки твои жестки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мне заменила счастье,— одного тебя может любить холодная душа моя...» — писал Пушкин в своем дневнике спустя годы.

Чаадаев одним из первых, если не первый, осознал духовную зрелость и гениальность Пушкина, его значение для России. «Грациозный гений Пушкина» — знак высокой судьбы России, считал он, и должен принести великое благо Родине.

Чаадаев и Пушкин несколько лет состояли в переписке. Далеко не во всем совпадали их взгляды, особенно в зрелые годы, но оба они дорожили и считались с мнением друг друга. «Вот, мой друг, то из моих произведений, которое я люблю больше всего. Вы его прочтите, так как оно написано мною, и скажите свое мнение о нем. А пока обнимаю вас и поздравляю с Новым годом»,— писал Чаадаеву Пушкин в 1831 году на дарственном экземпляре «Бориса Годунова».

Петр Яковлевич Чаадаев оставил заметный след в отечественной культуре. Его слово и личность оказали серьезное воздействие на духовную жизнь русского общества. Он был властителем дум всей мыслящей России. Без его оригинальных статей, писем нельзя полностью представить русскую философию, литературу, публицистику первой половины девятнадцатого века. «Друг Пушкина любимый, задушевный. Всех знаменитостей тогдашних он был друг. Умом его беседы увлеченной, Кругом его умов теснился круг»,— писал о Чаадаеве поэт Федор Глинка.

В издательстве «Современник» выходит сборник, куда вошли основные статьи и письма Петра Чаадаева, в том числе его письма к Александру Сергеевичу Пушкину, которые мы сегодня публикуем.

Мое пламеннейшее желание, друг мой,— видеть вас посвященным в тайну времени. Нет более огорчительного зрелища в мире нравственном, чем зрелище гениального человека, не понимающего свой век и свое призвание. Когда видишь, как тот, кто должен был бы властвовать над умами, сам отдается во власть привычкам и рутинам черни, чувствуешь самого себя остановленным в своем движении вперед; говоришь себе, зачем этот человек мешает мне идти, когда он должен был бы вести меня? Это поистине бывает со мной всякий раз, как я думаю о вас, а думаю я о вас столь часто, что совсем измучился... Если у вас не хватает терпения, чтоб научиться тому, что происходит на белом свете, то погрузитесь в себя и извлеките из вашего собственного существа тот свет, который неизбежно находится во всякой душе, подобной вашей. Я убежден, что вы можете принести бесконечное благо этой бедной России, заблудившейся на земле. Не обманите вашей судьбы, мой друг...

1829 год

* * *

Что же, мой друг, что сталось с моей рукописью?[1] От вас нет вестей с самого дня вашего отъезда. Сначала я колебался писать вам по этому поводу, желая, по своему обыкновению, дать времени сделать свое дело; но, подумавши, я нашел, что на этот раз дело обстоит иначе. Я окончил, мой друг, все, что имел сделать, сказал все, что имел сказать: мне не терпится иметь все это под рукою. Постарайтесь поэтому, прошу вас, чтобы мне не пришлось слишком долго дожидаться моей работы, и напишите мне поскорее, что вы с ней сделали. Вы знаете, какое это имеет значение для меня? Дело не в честолюбивом эффекте, но в эффекте полезном. Не то, чтоб я не желал выйти немного из своей неизвестности, принимая во внимание, что это было бы средством дать ход той мысли, которую я считаю себя призванным дать миру; но главная забота моей жизни,— это довершить эту мысль в глубинах моей души и сделать из нее мое наследие.

Это несчастье, мой друг, что нам не пришлось в жизни сойтись ближе с вами. Я продолжаю думать, что нам суждено было идти вместе и что из этого воспоследовало бы нечто полезное и для нас, и для других. Эти мысли пришли мне снова в голову с тех пор, как я бываю иногда, угадайте где? — в Английском клубе. Вы мне говорили, что вам пришлось бывать там; я бы вас встречал там, в этом прекрасном помещении, среди этих греческих колоннад, в тени этих прекрасных деревьев; сила излияния наших умов не замедлила бы сама собой проявиться. Мне нередко приходилось испытывать нечто подобное.

Будьте здоровы, мой друг. Пишите мне по-русски; вам не следует говорить на ином языке, кроме языка вашего призвания. Жду от вас милого и длинного письма; говорите мне о всем, что вам вздумается; все, что идет от вас, будет мне интересно. Но надо только разойтись; я уверен, что мы найдем тысячу вещей сказать друг другу. Ваш и искренно ваш всей душою. Чаадаев.

17 июня 1831 года

* * *

Неужели вы не получили моего письма? Ввиду постигшего нас великого бедствия[2] это не представляется невозможным. Говорят, что Царское Село еще не затронуто. Мне не нужно говорить вам, как я был счастлив узнать это. Простите мне, друг мой, что я занимаю вас собою в такую минуту, когда ангел смерти столь ужасно носится над местностью, где вы живете. Я бы так не поступил, если бы вы жили в самом Петербурге; но уверенность в безопасности, которой вы еще пользуетесь там, где вы находитесь, придала мне смелости написать вам.

Как мне было бы приятно, мой друг, если бы в ответ на это письмо вы сообщили мне подробности о себе и не оставляли меня без вестей все время, пока у вас будет продолжаться эпидемия. Могу ли я рассчитывать на это? Будьте здоровы. Шлю непрестанные мольбы о вашем благосостоянии и обнимаю вас со всей нежностью. Пишите мне, прошу вас. Ваш верный Чаадаев.

7 июля 1831 года

* * *

С большой радостью увидал я вновь ваш почерк. Он напомнил мне время, по правде сказать, немного стоившее, но когда была еще надежда; великие разочарования еще не наступали тогда. Вы, конечно, понимаете, что я говорю о себе; но и для вас, думается мне, было некоторое преимущество в том, что еще не все реальности были исчерпаны вами. Отрадными и блестящими были эти ваши реальности, мой друг; но все же есть ли между ними такие, которые сравнились бы сложными ожиданиями, обманчивыми предчувствиями, лживыми грезами счастливого возраста неведения?

...Итак, вот что я вам скажу. Заметили ли вы, что происходит нечто необычное в недрах морального мира, нечто подобное тому, что происходит, говорят, в недрах мира физического? Скажите же мне, прошу вас, как это отзывается на вас? Что меня касается, то мне сдается, что это готовый материал для поэзии,— этот великий переворот в вещах; вы не можете остаться безучастным к нему, тем более что эгоизм поэзии найдет в нем, как мне кажется, богатую пищу. Разве есть какая-либо возможность не быть затронутым в задушевнейших чувствах среди этого всеобщего столкновения всех начал человеческой природы? Мне пришлось видеть недавно письмо вашего друга, великого поэта[1]: это — такая беспечность и веселие, что страх берет. Можете ли вы объяснить мне, как подобный человек, знакомый некогда с печалью всех вещей, не испытывает ныне ни малейшего чувства горя перед гибелью целого мира? Ибо взгляните, мой друг, разве не воистину некий мир погибает, и разве для того, кто не обладает предчувствием нового мира, имеющего возникнуть на месте старого, здесь может быть что-либо, кроме надвигающейся ужасной гибели. Неужели и у вас не найдется чувства, мысли, обращенной к этому? Я убежден, что это чувство и эта мысль, неведомо для вас, тлеют где-нибудь в глубинах вашей души; только они не проявляются вовне, они погребены, по всей вероятности: они под кучей старых мыслей, привычек, условностей, приличий, которыми, что бы вы ни говорили, неизбежно пропитан каждый поэт, хотя бы он и принимал против этого всякие меры...

О, как желал бы я иметь власть вызвать сразу все силы вашего поэтического существа! Как желал бы я извлечь из него, уже теперь, все то, что, как я знаю, скрывается в нем, дабы и вы дали нам слышать когда-нибудь одну из тех песней, какие требует век. Как тогда все, что теперь бесследно для вашего ума проходит перед вами, тотчас поразило бы вас! Как все приняло бы новый облик в ваших глазах!

А в ожидании этого все же потолкуем. Еще недавно, с год тому назад, мир жил в полном спокойствии за свое настоящее и будущее, и в молчании проверял свое прошлое, поучаясь на нем. Ум возрождался в мире, человеческая память обновлялась, мнения сглаживались, страсть была подавлена, гнев не находил себе пищи, тщеславие находило себе удовлетворение в прекрасных трудах; все людские потребности ограничивались мало-помалу кругом умственной деятельности, и все интересы людей сводились мало-помалу к единственному интересу прогресса вселенского разума. Во мне это было верой, было легковерием бесконечным. В этом счастливом покое мира, в этом будущем я находил мой покой, мое будущее. И вдруг нагрянула глупость человека[2], одного из тех людей, которые бывают призваны, без их согласия, к управлению людскими делами. И мир, безопасность, будущее — все сразу обратилось в ничто. Подумайте только: не какое-либо из тех великих событий, которые ниспровергают царства и несут гибель народам, а нелепая глупость одного человека сделала все это! В вашем вихре вы не могли почувствовать этого, как я; это вполне понятно. Но статочное ли дело, чтобы это небывалое и ужасное событие, несущее на себе столь явную печать провидения, казалось вам самой обыкновенной прозой или самое большее дидактической поэзией, вроде какого-нибудь лиссабонского землетрясения, с которым вам нечего было бы делать? Это невозможно! Что до меня, у меня навертываются слезы на глазах, когда я вижу это необъятное злополучие старого, моего старого общества; это всеобщее бедствие, столь непредвиденно постигшее мою Европу, удвоило мое собственное бедствие. И тем не менее да, из этого воспоследует одно только добро; я в этом вполне уверен, и мне служит утешением видеть, что я не один не теряю надежды на то, что разум образумится. Но как совершится этот возврат, когда? Будет ли в этом посредником какой-либо могучий дух, облеченный Провидением на чрезвычайное посланничество для совершения этого дела, или это будет следствием ряда событий, вызванных Провидением для наставления рода человеческого? Не знаю.

Но смутное сознание говорит мне, что скоро придет человек, имеющий принести нам истину времени. ...Будем ждать.

Говорят, ходят толки о всеобщей войне? Я утверждаю, что ничего подобного не будет. Нет, мой друг, пути крови не суть пути Провидения.

...Спора нет, бури и бедствия еще грозят нам; но уже не из слез народов возникнут те блага, которые им суждено получить; отныне будут лишь случайные войны, несколько бессмысленных и смешных войн, чтобы отбить окончательно у людей охоту к разрушениям и убийствам. Заметили ли вы, что только что произошло во Франции? Разве люди не вбили себе в голову, что она намерена поджечь мир с четырех концов? И что же, ничего подобного; а что произошло? Любителей славы, захватов подняли на смех; люди мира и разума восторжествовали, старые фразы, которые еще недавно так отменно звучали для французских ушей, уже не находят себе отклика.

Отклик! Кстати... но я-то найду ли его, мой друг, в вашей душе? Посмотрим. Однако при одной возможности сомнения в этом у меня падает из рук перо. От вас будет зависеть, чтобы я поднял его, немного сочувствия в вашем следующем письме. Г-н Нащокин говорил мне, что вы изумительно ленивы. Поройтесь немного в вашей голове, и в особенности в вашем сердце, которое так горячо бьется, когда хочет этого: вы найдете там больше предметов для переписки, чем нам может понадобиться на весь остаток наших дней. Прощайте, дорогой и старый друг. А что ж моя рукопись? Я чуть было не забыл ее. Вы не забудьте о ней, прошу вас. Чаадаев.

18 сентября 1831 года

* * *

Мне говорят, что вы назначены, или еще каким-то способом поручено вам написать историю Петра Великого? В добрый час! Поздравляю вас от всего сердца.

Подожду, прежде чем сказать вам что-либо по этому поводу, чтобы вы сами заговорили со мной об этом. Итак, прощайте.

Я только что увидал два ваших стихотворения[1]. Мой друг, никогда еще вы не доставляли мне такого удовольствия. Вот, наконец, вы — национальный поэт; вы угадали, наконец, свое призвание. Не могу выразить вам того удовлетворения, которое вы заставили меня испытать. Мы поговорим об этом в другой раз, и подробно. Я не знаю, понимаете ли вы меня, как следует? Стихотворение к врагам России в особенности изумительно; это я говорю вам. В нем больше мыслей, чем их было высказано и осуществлено за последние сто лет в этой стране. Да, мой друг, пишите историю Петра Великого. Не все держатся здесь моего взгляда, это вы, вероятно, и сами подозреваете; но пусть их говорят, а мы пойдем вперед; когда угадал... малую часть той силы, которая нами движет, другой раз угадаешь ее... наверное всю. Мне хочется сказать: вот, наконец, явился наш Дант...

1831 год

---

[1] Уезжая из Москвы в середине мая 1831 года, Пушкин взял с собою часть философских писем Чаадаева, чтобы напечатать их в Петербурге, но сделать это не удалось.

[2] Эпидемия холеры.

[1] Вероятно, В. Жуковского.

[2] Имеется в виду французский король Карл X, политика которого послужила одной из причин Июльской революции 1830 года.

[1] «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина».

ДАРИЛИ ОТ ДУШИ

Истории экспонатов музея Пушкиногорья

Среди старинных живописных портретов, хранящихся в музеях Пушкинского заповедника, немало написанных неизвестными художниками. Кто они — эти великосветские красавицы, баре, офицеры, господские дети? Какова их судьба? Никто сего не ведает!

Непростое это дело—совершить открытие. Узнать человека, изображенного на портрете, установить имя автора-художника, обстоятельства, при которых был создан портрет. Эти произведения были найдены в разные времена на псковской земле, в бывших помещичьих имениях Опочки, Новоржева, Острова, Святогорья.

Женский портрет, о котором я хочу поведать читателям, сегодня находится в Тригорском доме-музее, на одной из стен коридора, разделяющего дом на две половины. Найден он был вот при каких обстоятельствах.

Это было в мае 1945 года. Михайловское и его округа только-только начали подниматься из развалин. Люди выходили из землянок, разбирали многочисленные фашистские блиндажи и бункеры и строили из этих бревен и досок себе новое жилье. Так делали все жители окрестных деревень. Так делали и работники Пушкинского заповедника. Никаких других строительных материалов не было. Даже пила и топор, молоток и клещи были тогда дорогими, редкостными вещами. Все делалось, как в древние времена, все строилось «натуральным» способом. Полы клались из жердин, крыши покрывались камышом, стены—глиной, окрашенной речным мелом. Брали этот мел со дна небольшой безымянной речушки, находившейся довольно далеко за Соротью.

Решив побелить свою «горницу», направился с одним из колхозников из деревни Бугрово на эту речку. Ни телег, ни машин тогда в заповеднике не было. Соорудил я тачку-сани с оглоблями. Запряг в нее коня Гришку, который был тогда для всех нас, как говорится, «на вес золота», и поехали. За Соротью была кругом пустыня. Речку еле нашли. Глину в ней тоже нашли. Нагрузили свою тачку. Тронулись в обратный путь. Вдруг слышим, кто-то вдали закричал: «Стой, стой»,— и дал из автомата очередь. Мы бросились на землю, уткнулись головами в траву. Лежим. Тишина. Подошел какой-то парень, одетый в солдатскую гимнастерку, галифе, босой, с топором за поясом и автоматом в правой руке. Подойдя к нам, он заорал: «Вы что, слепые? Не видите, куда идете?»

— Как куда,— ответил я, поднявшись на ноги.— Здесь идем... сюда!..

— Здесь, здесь,— заканючил он.— А что это? — и парень указал автоматом на надпись, висевшую на колышке, воткнутом в землю: «Смертельно. Участок заминирован. Хода нет!»

— А ты сам-то как? — спросил я, обращаясь к парню.

— Я — это другое дело,— ответил он.— Мне саперы-разминеры, проходившие по этим местам, инструкцию дали и все разъяснили, как и что!

— М-да...— подумал я.— Здорово получается,— и сказал: — Ну и что же нам теперь делать?

— А вам куда нужно-то? — спросил человек.

— В Михайловское,— ответил я.

— В Михайловское дорога не здесь, а вот здесь,— ткнул он рукой в сторону и добавил: — Пошли за мной. Так уж и быть, проведу сам до шоссе!

И мы отправились за вожатым. Спустились в лощину и здесь увидели землянку, в которой жил наш незнакомец со своей молодой женой и матерью-старухой. Подошли к ним. Поздоровались. Разговорились, откуда, как, что... Зашли в жилье. Хозяйки нас угостили печеной картошкой. Слово за слово: началась беседа. Оказывается, все они опочане. Неподалеку отсюда была их деревня, которой не стало.

Я рассказал о себе, о Пушкинском заповеднике, о поиске музейных ценностей, разграбленных фашистами, о находках последних дней в Острове, Пскове, Резекне, в окопах, блиндажах...

— Настя,— вдруг крикнул Николай (так звали хозяина землянки), а ну-тка, покажи директору, что мы с тобой здесь нашли!

Хозяйка прошла за холщовый полог, свисавший с потолка, вышла оттуда и поставила на стол передо мной небольшой бронзовый бюст. Я глянул и сразу же узнал эту вещь. Это был бюст Екатерины II, некогда стоявший в кабинете А. С. Пушкина в Михайловском, куда был доставлен в 1911 году, при открытии музея. Его подарил председатель Пушкинского дворянского комитета барон Розен из своего имения в с. Глубокое...

— А вот и еще,— сказала хозяйка и опять скрылась за пологом. Она вынесла портрет, написанный маслом. Подрамник был расколот, по краям холст был прошит не то шилом, не то гвоздями... Было ясно видно, что холсту, как говорится, здорово досталось. Несмотря на жалкий вид холста, живопись была громогласна и ярка. Это портрет неизвестной женщины, как говорится, «бальзаковского возраста», в богатом парчовом платье голубого цвета с серебряной отделкой, какое носили богатые дамы в начале XIX века. На груди ее — бриллиантовая цепь. На руках и пальцах браслеты, кольца с драгоценными камнями.

— А это где вы нашли? — спросил я Николая.

— Да все тут же, неподалеку, в одном из бункеров,— ответил он.

— Друг мой,— сказал я, обращаясь к хозяину землянки,— вы должны эти вещи сдать нам в заповедник!

— А еще куда же,— ответил он.— Конечно, вам!

Он вскочил и скрылся за занавеской. Оттуда вдруг раздался какой-то визг, словно кто-то наступил кошке на хвост! И появился Николай с гармошкой в руках. Гармонист раздул мехи, заиграл и лихо запел старинную псковскую ярмарочную песню.

— А гармонь-то где же вы нашли? — воскликнул я.

— А это у матушки моей спроси... Во время войны положила она сию дедову гармонь в большой котел и спрятала от немцев, закопала в огороде. А недавно выкопала! Чуток подкисла сия музыка, но голосит еще здорово. Вот послушай,— и он сыграл еще несколько аккордов.

Я взял гармонь, поставил на стол и стал рассматривать ее. Это была типичная «мужичья» гармошка — небольшая, крикливая, визгливая. Снаружи отделана серебряным орнаментом. У басовых клавишей я увидел выгравированную надпись: «Работала Гармонь Тимофею Богданову за 35 рублей. Мастер В. Лосевъ и сынъ. Невская застава. Московская улица. Дом 11 въ С. Петербургъ. 1849 г.»

Гармонь эту подарил лично мне сам хозяин. Было это в Михайловском в июне 1945 года на первом послевоенном Пушкинском празднике. Сегодня она — реликвия моего дома, одна из самых дорогих его вещей. В иные дни, когда на душе моей бывает кисловато, я беру ее в руки и начинаю выводить звуки, заставляющие меня вспомнить добрые дни 1945 года.

Семен ГЕЙЧЕНКО.

ДОМА, В БЕЛОКАМЕННОЙ

По московским адресам поэта

Здесь многое связано с его именем. Хотя после отъезда в лицей Пушкин вновь приедет в Москву только через пятнадцать лет, в 1826 году. И с этого времени шестнадцать раз побывает в белокаменной. Сюда его нередко тянуло от петербургского «капральства, прихотей и моды». В определенном смысле можно утверждать, что Москва была для него тылом, домом.

Где же бывал в Москве Пушкин? У задушевного друга С. А. Соболевского, например. Его квартира, где «болталось, смеялось, вралось и говорилось умно», располагалась в доме Ренкевича (Собачья площадка, 12). Дом номер 9 на нынешней улице Станкевича принадлежал Вяземскому — здесь Пушкин провел две августовские недели 1830 года. У Нащокина останавливался трижды — и все были разные адреса: в Гагаринском переулке (ныне улица Рылеева, 4); на Остоженке — по пути на Урал; в Воротниковском переулке — в последний приезд в Москву в мае 1836 года.

Сохранились еще два дома, где жил Александр Сергеевич. Это гостиница «Европа» на Тверской (улица Горького, 26) и гостиница «Север», позже переименованная в «Англию» (улица Немировича-Данченко, 6). Наконец, несколько месяцев поэт провел в «своем» арбатском доме, принадлежавшем Е. М. Хитрово.

Во много раз больше в Москве мест, где он бывал желанным гостем: салон Зинаиды Волконской на Тверской (улица Горького, 14); дом дяди Василия Львовича на Старой Басманной (улица Карла Маркса, 36); дома, где жили женщины, в разное время вдохновлявшие поэта,— юная М. И. Корсакова, «чрезвычайно милая представительница Москвы», сестры Екатерина и Елизавета Ушаковы, дальняя родственница С. Ф. Пушкина...

А на Тверском бульваре, в доме номер 14, принадлежавшем Кологривову, на одном из балов у танцмейстера Иогеля в декабре 1828 года Пушкин впервые увидел 16-летнюю Наталью Гончарову.

...Мы знаем адреса всех домов, связанных с именем Пушкина. Знаем и те места, где стояли дома не сохранившиеся. Нередко раздаются призывы к жителям столицы помочь в реставрации древних памятников. Мы же сегодня призываем по-хозяйски и с любовью осмотреть пушкинские места Москвы — быть может, и там требуется помощь.

Вот, например, Тверской бульвар, 14. Здание находится рядом с редакцией альманаха «Памятники Отечества», но само нуждается во внимании: на фасаде местами обвалилась штукатурка, синие надписи «Спартак» «украшают» боковую стену, в подъезде мрачно и мусорно. Улица Горького, 14,— это сегодня адрес «Елисеевского» гастронома. Здание совершенно изменилось в сравнении с пушкинским временем, но не подумать ли о том, чтобы как-то обозначить его принадлежность не только к «хлебу насущному»?.. То же можно сказать и о доме № 9 по улице Станкевича. Косметический ремонт не помешал бы и бывшей «Европе»: на здании зияют разбитые окна, виден обнаженный кирпич.

Многие пушкинские места — в образцовом состоянии, как, например, «нащокинский» дом на улице Рылеева. Но, думается, пристрастный взгляд на остальные сегодня необходим, быть может, как никогда.

Впрочем, наверное, речь должна идти не только о пушкинской Москве. Разве не важно взглянуть хозяйским глазом на другие места, связанные с Пушкиным, в Ленинграде и в области (дом станционного смотрителя в Выре, например), в Калининской области (Берново, парк в Малинниках, имение Вульфов и мельница — из «Русалки», могила Анны Керн в Прутне), в Уральске — дом Кузнецовых, в Казани — дом Фукса?.. Да и на многое другое. Особенно важно, чтобы в наведении порядка приняли участие молодые, комсомол.

...Мы идем по неузнаваемо переменившимся улицам Москвы, и в каждом из нас — сознаем мы это или нет — наряду со многим другим, порой наносным, живет пушкинское начало — частица его вечного дара соплеменникам. И чем оно живее в нас, тем победоноснее свет, добро — в отдельном человеке, в обществе в целом.

И. ДЬЯКОВ.

НА СНИМКАХ: «нащокинский» дом на улице Рылеева: церковь Большого Вознесения у Никитских ворот, где А. Пушкин венчался с Н. Гончаровой.

Фото С. Кузнецова.